

РУССКИЙ СЕВЕР

КРАСОТА КРАЯ
В РАССКАЗАХ ПИСАТЕЛЕЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Р89

Дизайн серии *Алексея Родюшкина*
Составление *Лолы Звонаревой и Павла Кренева*
Предисловие *Павла Кренева*

В оформлении книги использованы фотографии городов
Русского Севера из архива *Валентина Харпалева*

Р89 **Русский Север: красота края в рассказах писателей / Сост.**
Л.У. Звонаревой, П.Г. Кренева; предисл. П.Г. Кренева. — Москва:
Издательство АСТ, 2024. — 384 с. : илл. — (Образ Отечества).

ISBN 978-5-17-166615-6

Русский Север испокон веков вдохновлял писателей. И не случайно: необъятные просторы, омываемые северными морями, чистые озера, синие реки, величественные леса, полные грибов и ягод, птиц и зверей, не оставляли равнодушными никого. Русский Север воистину представляет целую гамму совершенной живописности и неопишуемой гармонии.

Будучи пытливыми исследователями Русского Севера, писатели понимали: об этом крае нужно рассказывать, полюбив его всей душой, чтобы все знали и помнили: Север — бесценное достояние нашей страны, в котором за тысячелетия накоплены гигантские богатства, и материальные, и духовные.

На страницах этой книги мы встретимся с исконным Русским Севером. Покажем его через воспоминания «русского Дюма» Василия Немировича-Данченко, путевые заметки Александра Энгельмейера, повесть одного из самых ярких знатоков края Михаила Пришвина, рассказы Александра Грина, очерки Константина Случевского, произведения Юрия Казакова и нашего современника Павла Кренева.

УДК 821.161.1-94
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-166615-6

© М.М. Пришвин, наследники, 2024
© Ю.П. Казаков, наследники, 2024
© П.Г. Кренин, составление, предисловие,
текст, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Родной наш Север

Не передать то ощущение безграничности пространства, которое возникает при прочтении классиков, пишущих о Русском Севере. Бесконечные просторы, омываемые с «полуночной стороны» гигантскими, дышащими прохладой водами под названием Северный Ледовитый океан, его заливами, в народе именуемыми северными морями... Голубые пятна озер, синие ленты рек, несущих плавные воды. Огромные массивы леса, полные грибов и ягод, птиц и зверей...

Это мои родные места! Мой отчий край, Родина! Беломорский берег, река Белая, моя деревня... Здесь я во вполне «зрелом» пятилетнем возрасте самостоятельно выудил первого своего ерша размером в полтора спичечных коробка и с превеликой гордостью принес домой. А там как раз готовилась уха из свежих, только что пойманных отцом морских рыб — трески, наваги, камбалы... Отец забрал у меня ерша и в присутствии семьи с торжественным видом погрузил его в суп... Потом, когда уху ела вся семья, меня неизменно хваливали:

— Только поглядите, ушка-та ершиком отдават! Всех рыбин перебиват ершишке твой! — говорили мне и папа, и мама, и бабушка Агафья, и даже старшая сестра Лида, всегда ехидная, когда речь заходила обо мне, тоже со всеми соглашалась. — Вот уж уважил ты народ, Павлушко!

Много было у меня радости с тем замечательным ершом, потому как я верил всем восторгам. Наивный был человек. Так нас воспитывали.

Книга перед вами — сборник произведений русских классиков о северных краях и их народе, печатающийся в сокращении. Она раскрывает местную природу в ее естественной красоте, показывая живые картины северной русской провинции.

Авторы сборника — известные отечественные писатели XIX–XX веков. Все они, будучи пытливыми и старательными исследователями Русского Севера, хорошо понимали: об этом крае нужно писать так, чтобы все знали и помнили, что Север — это огромное, бесценное достояние нашей страны, в котором за тысячелетия накоплены гигантские богатства, и материальные, и духовные.

Предшествовавшие нам радетели-патриоты неустанно продвигали и доносили до нас основной завет: в грядущих войнах победит тот, кто будет лучше всех оснащен, обучен и подготовлен, чтобы сражаться за Родину. И российский Север бережно сохранил для нас сокровенные запасы, чтобы в предстоящих боях мы не ударили в грязь лицом и победили!

Каждый автор этого сборника предлагает свой уникальный взгляд на родные края. Очень непохожи они друг на друга: из разных эпох, с разным социальным статусом и, порой, противоположными взглядами на окружающую действительность. По-разному сложились их судьбы... При этом характерно и даже удивительно: все они патриоты России, ее дети, желающие ей процветания, посвятившие творчество родному Северу, воспевшие и прославившие его. И это естественно, ведь писать об этих краях невозможно, если ты не полюбил их всей душой, если сердце твое не исстрадалось по разрушенным судьбам людей, изгнанных с теплых обжитых углов и загнанных в места таежные, промерзшие, проклятые только лишь потому,

что люди эти остались верны своим идеалам, вере и любви. Много кануло в безвестность людей, не изменивших самим себе. Однако Север впитал в себя и сохранил все имена и все изломы последних окаянных веков. Все они в его крепкой памяти.

Один из авторов сборника — полузабытый, в свое время яркий прозаик **Василий Иванович Немирович-Данченко** (1844–1936), написавший более 200 книг. Старший брат одного из создателей Московского Художественного театра Владимира Немировича-Данченко. За блестящий писательский талант прозаика, Василия Ивановича называли «Русским Дюма». Страстный путешественник, он множество раз бывал на Севере России. Его отличает глубина взгляда, что хорошо заметно в воспоминаниях «Беломорье и Соловки». Писатель с удивительной точностью, бережно, в трогательных деталях описывает природу Белого моря и его берегов, образы поморов, глубинную жизнь Соловецкого монастыря, судьбы монахов.

Для меня, например, ценны повествования о жизни в монастыре поморских мальчишек, отправленных с беломорских побережий для работы в нем «по обету». В раннем детстве дважды сталкивался я и разговаривал с односельчанами-стариками, которых в юности отправляли в монастырь на работы для погашения долга перед Соловецкой обителью.

Все писатели, побывавшие на Соловках, с разными эмоциями, но в целом восторженно вспоминают сцены купания в Святом озере, что находится у подножия монастырской крепостной стены. Я тоже испытал холод этого водоема и могу по своему опыту сказать: купаться в нем больше двух минут невозможно, но очень уж радостно. Теперь жду но-

вой оказии, чтобы окунуться еще раз в прозрачные, ледяные, но святые воды Соловецкой обители.

Прекрасное впечатление оставляют воспоминания другого блестящего литератора — путешественника **Александра Клементьевича Энгельмейера** (1854–1919). Этот молодой, богатый рязанский помещик и ученый в 1898–1899 годах совершил путешествие по Северу России, после чего написал об этом книгу «По русскому и скандинавскому Северу». Изложенные прекрасным литературным языком путевые заметки, дают полную картину мест пребывания автора, портретов собеседников, пейзажей, характеров, бесед с окружающими людьми... Мы становимся соучастниками происходящих событий и как бы попадаем в ту, давно ушедшую реальность. Это придает своеобразный шарм воспоминаниям Энгельмейера, а представленные им точные ретрографические образы Архангельска, его пригородов, Мудьюга, Колы и многих других мест, будят ностальгические воспоминания.

Правда, есть в рассказах Энгельмейера особенности, не вполне, на мой взгляд, симпатичные: его воспоминания подаются как бы свысока, с позиции молодого барина, несколько надменно озирающего картины северной русской природы и быта.

Это удивительно, но и **Александра Степановича Грина** (настоящая фамилия Гриневский; 1880–1932), поляка по национальности, также в некоторой степени можно отнести к северянам. Ведь около двух лет он провел на Севере в политической ссылке (1910–1912) и не раз вспоминал проведенное там время. Существуют обоснованные предположения, что некоторые сюжеты, включенные в канву его произведений, взяты из реальной жизни архангельских поморов, которые он наблюдал в селении Пинега, в деревне

Кегостров и в Архангельске — в местах, где Александр Степанович вынужденно пребывал.

В наш сборник вошли два его рассказа «Медвежья охота» и «Река», повествование которых исполнено добротным, образным языком. В первом произведении приведено много свидетельств того, что Грин, пребывая на Севере, в деталях изучил особенности русской охоты на медведей. Однако в рассказе главное внимание уделяется вспыхнувшей любви главного героя к молодой русской женщине, что также подано с определенной долей интриги. А второй рассказ посвящен несчастному случаю, происшедшему на воде и обстоятельствам вокруг этого.

Меня, как литератора, много читавшего Александра Грина, не перестает занимать его последовательное стремление не давать в своих произведениях расширенную и понятную для читателей их концовку. Это как бы отдается на читательский откуп: мол, понимайте как хотите, что я хотел этим сказать. Не уверен, что такой подход правильный. Хотя не стоит, наверное, полемизировать с классиком, ведь на то он и классик, чтобы писать, как считает нужным!

Михаил Михайлович Пришвин (1873–1954), вероятно, один самых ярких знатоков северной природы, особенностей края, образа жизни населения, флоры и фауны. По берегам северных морей им исхожены тысячи километров. Впечатления писателя об этих походах во многом изложены в замечательной повести «За волшебным колобком». Это писательский отчет о походах по поморским местам, и встречах с местными. Для меня они дороги тем, что Пришвин жил на берегу Белого моря в доме моих предков, в «зажиточном поморском доме» Поздеевых. И там же решал вопросы справедливого дележа семужьих тонь между двумя деревня-

ми — Лопшеньгой (моя деревня) и Дураковым (соседняя). Эту историю я хорошо знал с раннего детства. Она от том, как случайно пришедшего в Лопшеньгу писателя Пришвина приняли за депутата Государственной Думы, а он не смел признаться, что это не так, и был вынужден «делить деревенское имущество с монастырским» от имени государства.

Константин Константинович Случевский (псевдоним Серафим Неженатый; 1837–1904). Этот человек внешне напоминает аристократа высшей пробы. Немудрено: закончил кадетский корпус, академию Генерального штаба, входил в царскую свиту...

Написанная им серия очерков «По Северу России» — результат поездок в свите брата царя — великого князя Владимира Александровича в 1884–1885 годах по северным и северо-западным губерниям России. Стоит отметить глубочайшую скрупулезность и дотошность, с которой Случевский изучал инспектируемые районы, как тщательно и старательно подходил к описанию всего полезного, что могло бы впоследствии послужить добрую службу царской короне, как старался он ничего не пропустить в работе государственных лиц и в крестьянском труде. Между тем он был одним из лучших российских поэтов и прозаиков... В его заметках столько полезного, что я советовал бы современным государственным мужам заняться изучением наследия этого замечательного российского деятеля, патриота и писателя.

Еще один замечательный автор сборника **Юрий Павлович Казаков** (1927–1982) — был и остается одним из лучших наших прозаиков, который постоянно, каждый год, выезжал к своим друзьям-поморам и всякий раз останавливался на краю нашей Лопшеньги, в доме Василия и Миропии Репиных. Много общался с моими земляками,

что-то всегда записывал... Со мной он не разговаривал, потому как я был тогда еще мал, учился в Ленинградском суворовском училище, да я и не знал, и не понимал тогда, кто такой Юрий Павлович Казаков... Эх, сейчас бы те года... Уж я бы с ним нашел общие темы. Рассказал бы, с каким успехом провели мы с администрацией Приморского района и сотрудниками администрации Архангельской области в Лопшеньге два литературно-музыкальных фестиваля его имени...

А вообще была у меня с ним встреча, только я не понял тогда, что разговаривал со знаменитым писателем. Тогда я учился и, находясь на каникулах в родной деревне (лето 1967-го), солнечным утром пошел на работу к отцу, который руководил местным рыбным заводом. На впадении в море Каменского ручья встретил я крупного мужчину, который что-то варил на костре в котелке и улыбался мне. Я поздоровался с ним. Вообще, это в деревне принято: здороваться со всеми, даже с незнакомыми людьми.

— Вкусная у вас картошечка, — сказал мне незнакомый человек.

Вот и весь разговор. А отец мой сказал мне: это какой-то писатель по фамилии Казаков, регулярно приезжающий в нашу деревню. Он дружит с рыбаками и регулярно выпивает с ними «чарочку».

— Хороший мужик, говорят, — сообщил он мне, — очень любит картошку в морской воде варить да потреблять.

Ну кто не любит такую картошечку? Все любят, и я сам с удовольствием кушаю ее. Вкусная она, соли сыпать не надо... А сейчас прочитайте его «Северный дневник» в нашем сборнике. Думаю, всем нам будет полезно с ним познакомиться поближе.

...Тысячи лет незыблемо стоит на крайних рубежах нашей страны прославленный, седой Север-батюшка, помогает России, чем может. Однако и ему нужна наша поддержка. Мы привели лишь немногие свидетельства того, как передовая российская интеллигенция заботливо подставляла плечо великому другу Северу, стремилась своевременно изучать вопросы, перед ним стоящие, и умело отвечать на них. Теперь, в новых условиях, неминуемо вырастают все новые и новые заботы, требующие постоянного вмешательства лучших наших современников. Этим сборником мы вносим свой посильный вклад в благородное дело развития северных регионов. Давайте вместе продолжать его на благо Родины!

Павел Кренив

Василий Немирович-Данченко

Беломорье и Соловки

Вместо предисловия. Соловецкое подворье

Наступал июль месяц. Море в этот период было особенно тихо и покойно. Нам пророчили самую благополучную поездку в Соловки. Судя по рассказам, в июле не бывает ни качек, ни бурь. Белое море гладко, как зеркало...

Прежде посещения монастыря мы хотели ознакомиться с его подворьями. Таких в Архангельске два; одно, большое, находится на набережной реки Двины, у самого Гостиного двора. Оно выстроено в два корпуса, двумя этажами на улицу и тремя во двор. Повсюду тут виден хозяйский расчет. Нижний этаж занят лавками и кладовыми, которых до 100. В них сложены грузы железа, керосина и пр. предметы. Каждая лавка сдается по найму на год от 50 и до 100 рублей. В конце здания — в том же нижнем этаже — помещается и часовня Соловецко-

го монастыря, весьма непредставительная, но доставляющая обители кружечного сбора ежегодно более 3000 рублей. При нашем входе перед нами поднялся высокий худощавый монах, на попечение которого возложена исключительно часовня. Это истощенное, бледное, аскетическое лицо поразило нас своим контрастом с только что оставленным шумным потоком жизни людного рынка. Там все говорило о настоящем дне, здесь все обнаруживало искание града грядущего и отрицание града, здесь пребывающего. От этих старинных сумрачных икон, от этой тяжелой сводчатой комнаты веяло невыносимую, тоскливую борьбу живой человеческой души со всеми ее земными радостями и привязанностями; лица образов сурово смотрели из-за золоченых рам своих, и только кроткий, улыбающийся лик Богоматери, с Божественным Младенцем на руках, навевал чудное спокойствие на верующее сердце. А во взгляде этого ребенка и теперь уже светился тихий, ласковый, умиляющий призыв: «Приидите сюда, вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы». Низко склонились всключенные головы крестьян-богомольцев...

О, ты — горний, грядущий Иерусалим! Не одно нестрадавшее, облитое кровью сердце бьется великою верою в твое пришествие. Не один грустный взгляд измученного устремляется в синюю, бездонную высь, следит за серебристо-белыми ее облаками, словно испытывая, где сверкают стены этого града, где сияют купола его, где зыблются и шепчут, зеленеют и цветут благоуханные сады Эдема...

Мы вошли во двор подворья. Весь второй этаж четырехугольника занят квартирами, отдающимися внаем от 200 р. в год и выше. Как нам говорили — это одни из лучших квартир в городе. Высокие, большие комнаты, светлые окна, чистые входы — хоть бы и в столицу. На дворе разбрелись

богомольцы самых разнообразных типов. Вот высокий, угловатый вятчанин-хлебопашец, вот причмокивающий красивый шенкурец, тут целая толпа пермяков, а там олончане, словно чему-то удивляющиеся, чего-то непонимающие. Между ними сновали бабы, растерянные, суетливые...

Тут в первый раз мне кинулось в глаза различие между монахами Троицко-Сергиевской лавры и Соловецкого монастыря. Когда я ездил в первую, меня в подворье встретил монах в рясе лионского бархата, с золотой часовой цепочкой на груди и кольцами на руках. Тут же все попадавшиеся навстречу монахи носили толстого черного сукна рясы и грубые крестьянские сапоги...

— Можно осмотреть, где помещаются богомольцы?

— А, пожалуйста, вот по той лесенке!

Мы поднялись — и вошли. Большие, выбеленные комнаты, с нарами посередине. Все чисто. Воздух свеж, вентиляция устроена хорошо. Кучка богомольцев гадала о каких-то пошехонских старушках, делающих чудеса на Иванов день. В углу слепой пел песню об Алексии — Божиим человеке. Гнусливый, носовой напев смешивался с густым храпом спавшего на нарах судорабочего. В другой комнате — были женщины. Тут, как и следовало ожидать, стоял гвалт неописанный...

— Много ль у вас богомольцев скопляется одновременно? — спросил я, уже выйдя из подворья, у подвернувшегося мне монаха.

— Человек по 900 бывает!

— И все крестьяне?

— Крестьяне!

— Из каких больше губерний?

— Вятской, Пермской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской, да почти со всей России идут сюда. Как начнется судо-

ходство, народ и валит. Теперь еще поотошло. Все же в год тысяч двадцать пять перебивает, до тридцати доходит... Вы тоже к нам?

— Да.

— Поезжайте; есть где поместиться. У нас места святы! Афон Русский — наши Соловки!

Итак, в Русский Афон!

Пароход «Вера»

Мы отправились из Архангельска в Соловки летом 1872 года на монастырском пароходе «Вера». Солнце в городе пекло немилосердно. Все обещало спокойное плавание. На небе ни облачка, флаги на мачтах судов неподвижно повисли. Двина была зеркальная. Ни малейшей ряби...

Первые полчаса мы знакомились с пароходом.

Тут все поражало нас удивлением. Командир парохода, рулевой, машинист, матросы — весь экипаж его состоял из монахов. Странно было видеть моряков в клобуках, точно и быстро исполнявших распоряжения своего капитана — небольшого, худощавого инока, зорко оглядывавшего окрестности. Не слышно было приказаний вовсе. Движения его руки определяли каждый шаг корабля, превосходно выполнявшего эту безмолвную команду. Высоко, на главной мачте парохода, сверкал ярким, режущим глаза блеском вызолоченный крест вместо флага. Вот на него опустилась, словно серебряная, чайка и, отдохнув с распростертыми крыльями одно мгновение, она ринулась в недостижимую высоту так быстро, что у нас невольно захватывало дыхание, когда мы следили за ее полетом. Резкий, словно плачущий, крик ее донесся оттуда.

Палуба была вся загромождена богомольцами.

Всех пассажиров пароход вез около 450 человек.

Это — прекрасное винтовое судно, купленное монастырем за бесценок и крестьянами-монахами переделанное для Белого моря. Легкий на ходу, быстрый пароход «Вера» совершенно приспособлен к этим капризным и опасным водам.

Мы втроем присели у самого края кормы на круге свернутого каната и невольно загляделись на широко расстилающуюся позади даль, окаймлявшую зеленовато-серый простор Двинского лимана.

Направо и налево даль ограничивалась низменными, пустынными, зелеными берегами. Только изредка убогое село сползало к самой реке. Кое-где, словно в воздухе, висели белые колоколенки и купола деревенских церквей.

Порою из однообразной массы лесных вершин, едва-едва заметных в отдалении, виднелись туманные линии еще более далеких роц, точно окутанных голубым флером. Песчаные промежи, сверкая золотыми извивами, тянулись вдоль зеленой каймы то узкими, как острие, чертами, то широкими, как ярко блестящие щиты, отмелями. С парохода на них можно было разглядеть черные точки вверх дном опрокинутых карбасов; вблизи их копошились и ползали в разных направлениях еще меньшие точки.

Кое-где вдоль береговой линии, будто крылья чаек, мелькали паруса. Они, казалось, вовсе не подвигались вперед.

В самом центре зеленой каймы, там, где правая и левая сторона ее почти смыкались перед нами, висел в голубом прозрачном воздухе белый город; как мелкие искры блистали, меняя постоянно направление своих лучей, купола церквей и соборов. С каждым движением парохода то выдвигались белые линии набережной, то вырезывались белые